

70 лет Победы

Из Сокольского района Нижегородской области на фронты Великой отечественной войны ушли 6301 человек. Более половины – 3194 человека – с полей сражений так и не вернулись.

Илье Никифоровичу Сисягину, ушедшему в армию в 1942 году, повезло – он попал в другую половину, в число солдат, вернувшихся на родину живыми. В родные края Илья приехал с медалью «За отвагу», с орденом Отечественной войны степеню, с медалями за оборону городов, через которые прошел маршрут его военной жизни.

За плечами Ильи Сисягина долгая трудовая послевоенная жизнь: он работал механиком в колхозе «Красный партизан». Но сегодня в рядах фронтовиков его больше нет – несколько лет назад бывший солдат Великой Отечественной ушел из жизни. Однако о войне он оставил воспоминания, записанные с его слов дочерью, и журналистами, зафиксировавшими многочисленные встречи ветерана с молодым поколением россиян. Они хранятся в архивах районного краеведческого музея.

Наш внештатный автор Геннадий БАРДИНСКИЙ заинтересовался этими материалами и прислал в редакцию составленный по ним рассказ. И пусть война в нем представлена врезавшимися в память фронтовика фрагментами – дело историков складывать из них целостную картину.

На войне как на войне

Начало солдатской жизни

В действующую армию Илья Сисягин попал из Гороховецких лагерей, где проходил подготовку. Условия содержания были тяжелые, - вспоминает фронтовик. - Скучное питание и большие физические нагрузки быстро выматывали силы. Слабых солдат буквально качало ветром. Многие стремились быстрее попасть на передовую, где, как полагали, было полегче.

Счастливым днем в «учебке» стала для Ильи встреча со своим земляком Михаилом Черняевым из Красного Бора.

- Повели нас как-то в баню, - вспоминает он. - Идем строем. И вдруг вижу - один из новеньких копает себе землянку. Узнал в нем своего земляка. Попросил разрешения выйти из строя, подошел. Тот меня не сразу узнал.

- Да Илья я, Никифора Герасимовича сын.

Поговорили, спросил, как на родине старики, как жизнь.

- Неважно, - отвечает, - голод, едим мякину да колоколец, дети мрут. Отец и мать твои живы, сестра Анна работает в колхозе.

Эта весточка обрадовала, ведь письма от родных были так редки.

Потом спрашиваю:

- Михаил Александрович, ведь ты из дома. Наверное, что-нибудь из провизии у тебя с собой есть?

- Есть, - отвечает, и вынул из вещевого мешка каравай хлеба, разрезал его пополам и протянул половину мне. Большой радости для меня не было, что покушаю я настоящего хлеба. Поблагодарил земляка и побежал догонять строй. Пока бежал, не заметил, как по крошке съел весь подаренный хлеб.

Эту спасительную горбушку Илья с благодарностью вспоминал потом часто.

Период учебы в лагерях запомнился ветерану еще и тем, что посмотреть, как идет военная подготовка будущих кавалеристов, приезжал сам Семён Михайлович Буденный.

Готовились к встрече усиленными темпами. Физической подготовке, владению оружием, изучению военного устава придавалось большое значение. В день приезда высокого гостя всё было приведено в надлежащий порядок. Даже дорожку, по которой будет проезжать великий полководец, устлали лесным мхом.

Он приехал верхом на красивом скакуне. Сабля, боевые награды, военная выправка, уверенная посадка всадника в седле – всё говорило о смелости и бесстрашии прославленного полководца. поприветствовал солдат, поинтересовался, как идет подготовка, рассказал о событиях на фронтах, поставил перед воинами задачи.

В этот день, ради приезда Буденного, курсанты получили праздничный обед.

Дорога на фронт

Как и многие, Илья Сисягин стремился быстрее попасть на передовую. Время от времени в их лагерь приезжали «покупатели» и увозили ребят на фронт. В один из таких визитов, когда в «рекруты» он в очередной раз не попал, Илья потихонь-

ку сам примкнул к отобранным ребятам. Когда стали делать переключку, оказался он лишним. Но начальник попался добрый, сказал, значит, так и быть, ставлю тебя на продовольствие, будем готовить на передовую.

- Обрадовался, - вспоминает Илья Никифорович, - на душе полегало.

Определили его тогда в кавалерийскую дивизию, выдали боевое снаряжение и боевого коня. Сформированное подразделение продвигалось на Украину.

- Шли в основном по ночам, осторожно, чтобы враг не мог обнаружить, - рассказывает фронтовик. - Не разрешалось курить, разводить костры, громко разговаривать. Короткий привал, и снова в путь. Как только объявят «привал», падали и засыпали. Казалось, только веки сомкнешь – тут же подъем. Случалось, прямо на ходу и засыпали. Ведешь коня под уздцы, а сам тычешься головой в хвост впереди идущей лошади.

По дороге с Ильей произошел такой курьезный случай. Шли много ночей, ночные дороги выматывали, страшно хотелось спать. Не заметил солдат, как уснул на ходу и опустил повод. Когда очнулся, с ужасом обнаружил, что нет с ним боевого коня. О случившемся доложил командиру. Командир грустно покачал головой, показал на карте место, где намечен следующий привал и приказал идти на поиски. Как же в бою быть без коня, какой кавалерист без скакуна? А где искать среди ночи в незнакомом лесу пропавшую лошадь и как не отстать от своих, не попасться в засаду? Стал прислушиваться. И услышал – где-то неподалеку животное фыркает и жует, далеко лошадь еще уйти не успела. Илья ловко накинул узду и догнал своих товарищей.

Таким получился для него тогда первый урок готовности, который запомнился на всю жизнь.

Боевое крещение

А дальше было боевое крещение. Об этом Илья Сисягин всегда рассказывал с волнением.

Его первый в жизни бой был на Украине, под Белой Церковью. Фашисты пустили в ход авиацию, бомбили, не давая опомниться, несколько дней подряд. Когда бомбы заканчивались, штурмовики начинали низко летать над землей и строчить из пулеметов по живым и мертвым. А ночью в бой вступала артиллерия, не давала возможности передвигаться.

Более двенадцати дней продолжалась яростная атака фашистов. Нельзя было голову поднять, казалось, горела не только земля, но и небо. Стоны и крики раненых, дикий вой боевых самолетов, взрывы бомб, ржание обезумевших и погибающих коней, всё слилось, смешалось и потонуло в крошечном аду. Подкрепление, которое спешило на выручку подразделению Ильи, фашистам удалось отрезать. Полевая кухня была разбита. Солдаты остались без поддержки и продовольствия. Чтобы совсем не обессилеть, приходилось подкрепляться мёрзлой мертвечиной

убитых в боях лошадей.

Но не отступили, не дали врагу продвинуться ни на шаг. Трупам немецких и наших солдат, погибших коней, грудами искорёженной техники было усеяно огромное поле. «Долиной смерти» было названо место боя под Белой Церковью. В этом бою почти всё подразделение погибло.

Как Илье удалось остаться в живых? - Наверное, чудом, - размышляет его дочь Вера Ильинична Сисягина. - А еще, думаю, что оставшиеся дома родители усердно молились за своего сына.

Бой закончился, когда на помощь подошло следующее подразделение. Танковый отряд наших ребят стремительно пошел на врага. А у истощенных, оставшихся в живых солдат не было сил даже самостоятельно подняться на ноги, обнять товарищей. Им сказали: «Ждите санитаров и хоззвод, вас соберут и отправят в госпиталь».

Подоспевшие санитары грузили бойцов на подводы и увозили в безопасное место. Сначала размещали в лесу, укладывая на расстеленный лапник, а потом всех переправили в госпиталь, где лечили и выхаживали раненых.

Суровый урок преподнес Илье Сисягину первый бой.

- Конечно, - говорил он, - конница не могла противостоят современной, по тем меркам, авиации. Да и вооружение, простая винтовка, не могла

На снимке военного времени И.Н. Сисягин (слева)

соперничать с пулеметом. Потери в живой силе у нашей армии были большие. Только к концу 1942 – началу 1943 года наше вооружение «заговорило». Особенно боялись немцы нашей «Катюши». Уж как запоёт, всё кругом замолкает!

Под вражьем прицелом

Бои, военные походы и военные операции стали повседневной, обыденной жизнью Ильи Сисягина. Приходилось и в разведку ходить, и убитых товарищей хоронить. После боя собирали погибших, копали большую братскую могилу, тела клали рядами, перекалывали шинелями, засыпали землей, ставили крест – вот и весь погребальный обряд. Сохранившиеся документы сдавали в штаб. Немцы тоже хоронили своих убитых на нашей земле. Ставили крест из березы, на него вешали каску.

Вспоминал Илья Сисягин, как с боем брали высоту, которую фашист никак не хотел сдавать. Несколько попыток отеснить врага не увенчались успехом. Наконец, сделали с ребятами отчаянный бросок – высота была взята. Наступление на врага было обеспечено.

«Сколько раз в те огненные годы получил боец Сисягин приказ взять безымянную высоту чего бы это ни стоило, - писали о нем. - Ни сил, ни крови не щадил солдат Родины Илья Сисягин. Саму жизнь готов был положить у той высоты, но выиграть схватку. И победил!»

В окопе, на привале была своя маленькая жизнь. Выдастся передышка между боями и обстрелами, и можно было видеть, как кто-то перевязывает себе или товарищу раны, кто-то мусолит карандаш и пишет на колене письмом родным, а кто-то вынимает из нагрудного кармана фотографию любимой и всматривается в дорожные черты. Солдаты постарше очень тосковали по своим детям и семьям. Откуда-то появлялась гармошка, звенели все-

лые наигрыши или щемящие душу народные песни. Целым событием было, когда приходила почта. Почтальон выкрикивал адресата, счастливчика заставляли плясать. Бывало часто, что приходили и скорбные известия о погибших и замученных фашистами родных. Ненависть к врагам закипала в душе с новой силой.

Возвращение на родину

С особой теплотой вспоминал Илья Сисягин о коротком отпуске, который получил после контузии и лечения в госпитале в 1945 году. Появилась возможность повидаться с родными.

- Был апрель 1945 года, - вспоминал он. - Добрался я на переключных до Юрьевца, вот уж и дом близко. Решился перейти Волгу. Лед был уже рыхлый, но неудержимое желание побыстрее оказаться дома толкали вперед. На середине Волги лёд под ногами рухнул, и я оказался в ледяной воде. Одежда быстро намочила и тянула вниз, выбраться из воды и снежной кашицы никак не удавалось. В сознании мелькнуло: «Суждено мне погибнуть у родного порога». Ослабевшим голосом звал о помощи. На мое счастье на нашем берегу мужик пилил дрова. Услышал мой крик, подполз к полынье с длинной жердью, спас меня. Потом привел к себе домой, об-

сушил, отогрел у натопленной печи. Хозяйка напоила чаем. Уставший и измученный, я уснул крепким сном.

На другой день, поблагодарив за помощь своих спасителей, явился в районкомат, чтобы встать на военный учёт. Захожу в комиссариат и глазам своим не верю – сидит у печки отец. «Здравствуй, отец», - говорю. А тот мне в ответ: «Здорово, здорово, сынок», - и опять задумался. Потом встрепенулся, опомнившись, как ото сна: «Илюшка, ты ли это? Глазам своим не верю!». Крепко обнял, прослезился. «Пойдем, - говорит, - быстрее домой, то-то мать обрадуется!»

В военкомат отец приходил за небольшим пособием, которое в последнее время назначили за воюющих сыновей. Получили его вместе, я встал на учет, в магазине купили матери полшалок иestre платок в подарок и пошли домой. Слабость после ранения была страшная, голова кружилась, несколько раз присаживались передохнуть.

Не знаю, каким образом, но сообщение о моем прибытии пришло раньше, чем мы дошли до деревни. Подходим, а мать уже встречает нас у овина...

- Уважительно относились ко мне односельчане, - вспоминал Илья Сисягин. - Даже старики, здороваясь со мной, снимали шапки, по имени-отчеству называли. Я очень смущался, недоумевал, чем вызвано такое почтение.

Без дела в отпуске Илье сидеть не пришлось. Починил с отцом забор, напил дров, поправил во дворе хлев. Незаметно отпуск подходил к концу, а тут известие – Победа! Сколько радости было по этому поводу! Праздник устроили всей округой. Песни звенели, играла гармошка. Счастливый народ праздновал Победу.

Началась мирная жизнь. Но многие еще долго каждый день ходили в Сокольское на причал в надежде дожидаться своих близких...

Тяжелая послевоенная жизнь ожидала впереди фронтовика.